

Библиотека
глубинной
психологии

Поль Кюглер

АЛХИМИЯ дискурса

Образ, звук и психическое

Поль Кюглер
**Алхимия дискурса. Образ,
звук и психическое**
Серия «Библиотека
глубинной психологии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12007691

Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое: ПЕР СЭ; М.; 2005

ISBN 5-9292-0138-2

Аннотация

«Алхимия Дискурса» дает возможность нового прочтения ранних исследований Юнга в экспериментальной психопатологии, и особенности, в отношении к самой роли, которую язык играет в субъективном начале, в генезисе психической структуры, в формировании сновидения, равно как и в психопатологии.

Содержание

Алхимия дискурса	5
Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие Эндрю Сэмуэлса	10
Введение в пересмотренное издание	16
Глава I	24
Появление разделенного субъекта: Эго/Самость	25
Фонетический образ: Представление образа в его отсутствии	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Поль Кюглер
**Алхимия дискурса. Образ,
звук и психическое**

© Информационный Центр Психоаналитической Культуры, 2005

© ПЕР СЭ, оформление, 2005

Алхимия дискурса

Предисловие к русскому изданию

Я весьма рад появлению текста книги «Алхимии Дискурса» на русском языке. Двадцать лет назад, когда эта работа впервые вышла в свет, то она оказалась первой, где была осуществлена переоценка значения юнговского исследования экспериментальной психопатологии в свете современной психоаналитической мысли, постмодерна и критического подхода к аналитической психологии в целом. В первые годы двадцатого века, незадолго до встречи с Фрейдом, Юнг уже достиг международной известности, благодаря своим изысканиям в области психопатологии. Работая в должности психиатра в клинике Бургхольцли в Цюрихе, Юнг совместно с Францем Риклиным, создал в ней лабораторию экспериментальной психопатологии и провел успешные исследования, приведшие к созданию известного теперь теста словесных ассоциаций. В экспериментальной ситуации испытуемых просили давать любое пришедшее им на ум слово в ответ на стандартный набор слов-стимулов, таких, например, как «голова», «вода», «мать», «длинный», «огонь» и т. д. В своих ответах испытуемые, среди прочего, неправильно слышали слово из предлагаемого перечня, слишком

долго тянули с ответом, смеялись, кашляли или реагировали как-то симптоматически иначе на отдельные слова-стимулы. До Юнга такие случаи рассматривались как «ошибки», «погрешности» эксперимента, несущественные отклонения. Их психологическая значимость при этом не замечалась и не учитывалась. Юнг подошел к этому совершенно иначе. На базе известной ему в психопатологии французской школы диссоцианизма и фрейдовского представления о парапраксисе Юнг выдвинул предположение, что эти нарушения являются не просто экспериментальными погрешностями, а, напротив, указывают на присутствие бессознательных эмоциональных факторов, комплексов, действующих в относительной автономии по отношению к эго-сознанию. Ассоциативный эксперимент в руках Юнга сделался, таким образом, мощным психологическим и психотерапевтическим инструментом. Используя его не только в качестве метода исследования, но и как средство диагностики и лечения, Юнг, Риклин и другие их коллеги получили возможность анализировать истерию, депрессию, шизофрению, социопатию, и другие умственные расстройства. Вот, таким путем были открыты **комплексы**.

Одним из практических достижений этих исследований стало изобретение всем известного теперь детектора лжи. Людвиг Бинсвангер (основатель экзистенциального психоанализа) написал диссертацию под руководством Юнга, в которой он продемонстрировал, что психические конфлик-

ты, связанные с сокрытием истины, проявляются соматически путем изменения электрического сопротивления кожи и частоты дыхания. Юнг и Бинсвангер разработали эксперимент по тонкому измерению этих соматических изменений во время теста словесных ассоциаций. Позже Юнг был удостоен награды Университета Кларка в США за свой вклад в судебную психиатрию во время визита туда вместе с Фрейдом.

На пути внимательного рассмотрения ранних работ Юнга по словесным ассоциациям в предлагаемой книге выстраивается интеллектуальный и культурный контекст, из которого впоследствии возникли и все последующие теории Юнга. Этот контекст не был ограничен Фрейдом и венской психоаналитической группой, но основывался на великих традициях европейской психиатрии и экспериментальной психологии. Юнг совершенствовал свои психиатрические знания в психиатрической клинике в Бургхольцли, а затем возглавлял лабораторию экспериментальной психопатологии при тамошнем госпитале, став в нем клиническим директором. Под руководством Юджина Блейлера клиника сделалась одним из ведущих европейских медицинских и исследовательских центров по изучению психотических расстройств, в частности, шизофрении. Работая в Бургхольцли, Юнг опубликовал свою основную работу по шизофрении, в которой применил тест словесных ассоциаций к анализу глубинно-психологических измерений психотического пациен-

та¹. В тесте словесных ассоциаций могут быть экспериментально изучены и использованы в диагностике и лечении пациентов взаимосвязи между языком, фантазией, симптомом и соматическими реакциями.

В истории клиники Бургхольцли прослеживаются и важные российско-швейцарские связи. Приблизительно в одно и то же время, здесь побывали двое русских: Сабина Шпильрейн и Евгений Минковский. Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону оказалась первой пациенткой Юнга, прошедшей у него терапевтический анализ. Сегодня ее история хорошо известна российскому психоаналитическому сообществу, чего нельзя сказать о пребывании в Швейцарии и работе в клинике Минковского. В отличие от Сабины, бывшей в Бургхольцли на положении пациентки, Минковский работал здесь психиатром. Родившись в Санкт-Петербурге, Минковский затем изучал медицину в университете в Мюнхене, а позже здесь же математику и философию. В 1914 году, по причине разразившейся Первой мировой войны, он был вынужден покинуть Мюнхен и перебраться в Цюрих, где стал ассистентом Блейлера в клинике. Минковский прибыл в Бургхольцли вскорости после того, как Юнг оставил там свой пост и занялся частной практикой, а также преподаванием в цюрихском университете. На Минковского сильное воздействие оказали Блейлер и Анри Бергсон, что на-

¹ Юнг К.Г. Психология раннего слабоумия. В: Юнг К.Г. Работы по психиатрии. СПб. 2000. *с.13-174*

шло отражение в его первой книге о шизофрении². В дальнейших работах Минковский сконцентрировал свое внимание на структурах сознания (временный характер, периодичность, каузальность и материальность) и продемонстрировал как из расстройств в этих структурах можно вычленить отдельные симптомы и умственные содержания, испытываемые пациентом.

Алхимия Дискурса дает возможность нового прочтения ранних исследований Юнга в экспериментальной психопатологии, в особенности, в отношении к самой роли, которую язык играет в субъективном начале, в генезисе психической структуры, в формировании сновидений равно как и в психопатологии.

Я хочу в завершение поблагодарить своего российского коллегу Валерия Зеленского, редакторские и организаторские старания которого сделали возможным появление моей работы на русском языке. Я также благодарен издательству PER SE за оперативное осуществление выхода тиража книги.

Поль Кюглер East Aurora, New York

14 ноября 2003

² *La Schizophrenie: Psychopathologie des schizoids et des schizophrenes*. Paris: Payot, 1927; Also see *Le Temps vecu: Etudes phenomenologiques et psychopathologiques*. Paris: D'Artrey, 1933.

Предисловие Эндрю Сэмюэlsa

Я с удовольствием пишу предисловие к переработанному изданию этой крайне важной книги. Написав на нее рецензию в 1983 году для журнала (*Journal of Analytical Psychology*), я в дальнейшем с интересом следил за ее судьбой. По истечении двадцати лет оригинальность и своевременность данной работы заслуживают столь же высокой оценки. Поль Кюглер играл и продолжает играть ключевую роль в возрождении интереса к юнговской психологии и в привлечении к ней внимания широкой публики.

Между обоими изданиями существует самая тесная связь, они вносят большой вклад в оживление аналитической психологии, в налаживание связи между миром академической науки и миром психоанализа. Заслуга Кюглера заключается в том, что он обратился к ранним научным работам Юнга с целью продемонстрировать их значимость в наши дни. Тест словесных ассоциаций, объявленный Фрейдом в качестве важного вклада при подведении научной базы под психоанализ, выявил существование фонетических и смысловых ассоциаций. Фонетические ассоциации можно было даже считать более «глубокими» по сравнению со смысловыми связями, поскольку они усиливались по мере возрастания уровня бессознательного. Иными словами, фонетические ассоциации, представляющиеся поверхностными, ока-

зывались в психологии «золотым песком». Возможно, что они, согласно утверждению Кюглера, совсем не случайны – «Содержит ли наш язык автономные группы ассоциаций, соединенные фонетически и укорененные в архетипическом образе?»

В наше время идея, в соответствии с которой глубина располагается на поверхности (а также в звуках) переживаемой жизни, кажется нам несколько менее парадоксальной или странной. Однако это наблюдение все же требует доказательств перед лицом традиционной романтической оппозиции, которая не может отказаться от стремления помещать глубину (и, соответственно, все ценное в жизни) в «глубине глубин».

Кюглер пересмотрел свою провидческую работу, чтобы учесть многочисленные перемены, происшедшие в интеллектуальном климате и в клинической обстановке со времени опубликования первого издания. В те времена он не мог знать о важной роли, которую будут играть язык, нарратив и текст во многих исследовательских сферах – не только в лингвистике, литературной критике и философии, но и в психотерапии, где связь с «историей» признается в наше время повсеместно.

Не мог он и предполагать, какое значение приобретет его расширенное определение термина «образ» после того, как он распространит его на понятие «акустический образ». Образы могут переживаться как непосредственно (в понимании

Юнга), так и свидетельствовать о невозможности их прямого (непредумышленного) переживания в сфере культуры. Социальный и культурный конструктивизм, закат вечных ценностей во многих сферах жизни, релятивистский характер постмодернистского дискурса заставили сосредоточить внимание на образе, с его парадоксальным сочетанием вышеупомянутых качеств непосредственности, равно как и невозможности своего непосредственного переживания. Самость не только разделена и множественна, она даже звучит по-разному, в зависимости от контекста и выстроенных предпочтений. Произносимые человеком звуки будут иметь различное звучание, в зависимости от того, кто их будет слушать. Как я отмечал в своей рецензии, *архетипический образ позволяет включать в одну фонетическую схему много смыслов, давая нам возможность говорить о «фонетизации образа»*. Кюглер – достаточно прозорливо мыслящий автор, отчасти по необходимости опирающийся на звучание, так что его обращение к анализу акустического фактора оказывает существенное влияние на философские размышления и клинические рассуждения. В этом отношении он осуществляет алхимический эксперимент, в процессе которого базовое исходное вещество (звуки) может рассматриваться в качестве материала способного к трансформации в нечто, представляющее собой более значительный интерес (не будем преуменьшать актуальность случая). Представьте себе беседу. Между собеседниками возникли определенные отношения.

Имеет место общение, в котором присутствует психологическая динамика. Все это не вызывает удивления. Однако разговор имеет и свое собственное звучание, ритм, рисунок, осуществляется интенсивное и быстрое взаимное влияние, основанное на слуховом восприятии.

Ранее я уже упоминал о существовании проблемы передачи более широкому кругу лиц новых данных, появляющихся в пост-юнгианской психологии. В этом отношении работа Кюглера ознаменовала собой прорыв, выстраивая связь между юнгианской мыслью и структурализмом во многих областях, от антропологии до лингвистики, физики и лакановского психоанализа. Столь часто наблюдаемой в академических кругах тенденции, направленной на игнорирование и маргинализацию Юнга, можно противопоставить только научную работу, выполненную на таком же уровне. Кюглер нигде не преувеличивает его значение. Он не утверждает, что Юнг изобрел колесо. Но также не сетует на плагиат и не пытается игнорировать значимость юнговской мысли. Такой вполне уравновешенный и при этом достаточно убедительный подход представляется мне единственно правильным путем, по которому следует идти. Возможно, что Кюглер, подобно многим аналитикам-юнгианцам его поколения, устал от пренебрежительного отношения к Юнгу, характерного для антиюнговского направления, однако он продолжает изящно вести борьбу исключительно на интеллектуальном и концептуальном уровнях. Это следует считать одним

из важных достоинств данной книги.

Мне хочется высказать свое мнение о возможном круге читателей этого нового, пересмотренного издания. Во-первых, это клиницисты всех направлений, а не только юнгианцы; они, подобно мне, при встрече с изложенными идеями будут вынуждены сами пересмотреть концепцию клинических взаимодействий. Более того, им придется обучиться более оперативному клиническому мышлению, связанному с эфемерной природой звука. Это будет очень хорошо, поскольку многие клинические статьи страдают многословным теоретизированием, имеющим – как представляется, по крайней мере – своей целью произвести определенное впечатление на коллег. Как я писал в своей рецензии, «клиницисты-практики, считающие, что они работают в рамках гуманистической традиции, должны помнить, что говорит не только пациент, но и тот язык, который действует через него».

Вторая группа читателей включает ученых, занимающихся психоаналитическими исследованиями (сюда относятся и юнгианские и постюнгианские исследования). Последние, не забывая о клинических корнях большинства изучаемых тем, рассматривают психологические идеи на интеллектуальном уровне. Книга Кюглера уже была на гребне моды; предполагается, что сохранится интерес и к ее второму изданию. К третьей группе читателей относятся философы и историки идей, связанных, главным образом, с психоанализом. Сю-

да же войдут философы-лингвисты и философы-аналитики, равно как философы и историки идей, относящихся к указанным областям. Способность Кюглера устанавливать связи и замечать тенденции повышает вероятность того, что люди третьей группы тоже войдут в круг читателей данной книги.

В заключение хочется выразить надежду на то, что эта новая редакция важнейшего текста в цикле постюнгианских разработок раскроет его ценность и новому поколению читателей.

Эндрю Сэмюэлс.

Введение в пересмотренное издание

С момента выхода в свет первого издания *Алхимии дискурса* прошло двадцать лет. Публикация книги в 1982 году произошла в тот период, когда юнгианская психология начала выходить за пределы двух доминирующих областей своего распространения: (1) Цюрихской школы, с ее классическим юнговским подходом, и (2) Лондонской школы психоанализа (SAP), в которой перемешаны идеи Юнга и Мелани Клейн. Это было время распространения теории в данной области. Джеймс Хиллман находился в эпицентре развития своих идей, относящихся к архетипической психологии, а Э. Сэмюэлс как раз приступал к созданию плюралистического подхода, отражающего разнообразие теорий в постюнгинский период. Через пересмотр ранних исследований Юнга, связанных со словесными ассоциациями, книга *Алхимия дискурса* поместила аналитическую психологию в рамки более широкого контекста психоаналитических и академических проблем. В то время как философия и критическая мысль в различных теориях XX века внесли большой вклад в наше понимание той роли, которую играет язык в духовной жизни человека, юнгианцы мало писали на эту тему после периода исследований, проведенных в Бургхольцли. Книга *Алхимия дискурса* позволила поновому понять взаимоотношения между образом, звуком и психическим и спо-

способствовала оживлению интереса к языку и его роли в психическом развитии. Со времени ее первой публикации анализаторами-юнгистами было издано еще три книги о языке: *Слова и яйца* (Рассел Локхарт, 1983), *Метафора и смысл в психотерапии* (Эллен И. Сигельман, 1990) и *Зондирование души: искусство слушать* (Мэри Линн Киттельсон, 1996).

Книга строится вокруг следующих шести взаимосвязанных тем: (1) функция психических образов в начале развития субъективности, (2) создание разделенного субъекта (представительное эго / эмпирическая самость), (3) первичность образа в бессознательном, (4) функция языка в формировании сновидений, симптомов и психической жизни, (5) динамика взаимодействия между фонетикой и воображением, и, наконец, (6) роль, которую играет язык в процессе толкования (интерпретации).

Первая глава была значительно расширена по сравнению с первым изданием; в нее были включены разделы о роли психических образов в развитии структуры эго/самость, способной к саморефлексии и обретению языка. Приближаясь к теории Лакана о зеркальной стадии, однако в значительной степени отличаясь от нее, я исследую возникновение динамики между звуком и образом, фонетикой и воображением. Ранние эксперименты Юнга со словесными ассоциациями подтвердили существование в личности бессознательных комплексов, неизвестных психических факторов, лежащих за пределами сознания, но оказывающих значительное влия-

ние на формирование сновидений, симптомов и лингвистических ассоциаций. Помимо наличия «автономных групп ассоциаций», эксперименты показали также, что чем более бессознательной делается личность, тем более значительной становится тенденция к сдвигу ассоциаций от семантических к фонетическим. В данной главе исследуется возможность распространения этих наблюдений на язык в целом. Содержатся ли в языке группы ассоциаций, соединенные фонетически и укорененные в архетипических образах?

Во второй главе, носящей название «Первичность структуры: краткая генеалогия» был отмечен теоретический отход Юнга от либидо к психической энергии и последующий переход к теории архетипов в рамках более широкого интеллектуального климата 20-го века. Традиционный подход к изучению этого теоретического смещения состоял в его исследовании на фоне истории психоанализа и личностной динамики в момент разрыва Юнга с Фрейдом. В этой главе вновь исследуется пересмотренная теория Юнга в рамках широкого культурного контекста, включающего теоретические тонкости гуманитарных и естественных наук. В то же самое время, когда Юнг формулировал свою новую теорию глубинной психологии, основанную на первичности психических структур (1910–1921), сходные смещения происходили и в столь удаленных друг от друга областях, как атомная физика и лингвистика. Несколькими десятилетиями позже параллельные теоретические изменения возника-

ют в антропологии и французском психоанализе.

Центральный фокус третьей главы сконцентрирован на том парадигмальном изменении, которое произошло в лингвистике благодаря сдвигу идей Соссюра от логики и этимологии к внутренним структурам языка. Для того, чтобы продемонстрировать значимость лингвистических структур, Соссюр предлагает сравнить систему языка с шахматной игрой. Исторические изменения материальной субстанции элементов не влияют на их «смысл». Скорее, смысл элемента *определяется той ролью, которую этот элемент играет и тем, как он структурно связан с другими элементами*. В этой главе вводятся лингвистические законы Соссюра и пересматривается клинический и экспериментальный материал, обсуждаемый ранее с точки зрения структурной лингвистики.

В четвертой главе, носящей название «Язык и бессознательное», представлена краткая история места, которое язык занимает в эволюции или глубинной психологии. В известном рассказе Фрейда о пациенте, одержимом страхом перед крысами (Ratten), описывается случай, когда пациент, одержимый навязчивым неврозом, начинает ассоциировать различные явления и понятия со сходными фонетическими созвучиями. Он беспокоится об оплате карточных долгов отца (Raten), ярого картежника (Spiel-Ratte). Он никак не может забыть о долгах, сделанных в юности его сестрой по имени Рита, не может принять решение, следует ли ему жениться

(hei-raten) в ратуше (Rat-haus). В звучании слов, тревоживших этого человека, Фрейд обнаружил тот же феномен ассоциаций, который был замечен Юнгом в проводившихся им экспериментах со словесными ассоциациями: «приверженность букве в бессознательном» (Лакан).

В 1950 году, занимаясь модифицированной Леви-Строссом фрейдовской топографической модели человеческого разума, Лакан вводит новую трехчастную модель психики, составленную из воображаемого, символического и реального. *Реальное* относится к объекту-как-таковому, тогда как *воображаемое* соответствует имаго объекта. С другой стороны, *символическое* имеет чисто структурную функцию, сходную с функцией грамматики в языке или с правилами игры в шахматы. Трехчастная модель Лакана имеет некоторое фамильное сходство с выявленным Юнгом ранее различием между реальным родителем, имаго родителя и архетипом родителя. Однако имеется и существенное отличие в использовании понятия *имаго*. Позаимствовав термин у Юнга, Лакан дает ему совершенно иное определение (Лакан, 1968; Лапланш и Понталис, 1973). Там, где Фрейд определяет психические образы как ментальные представления влечений, Лакан переосмысливает психические образы (имаго) как бессознательные представления *реального*. Однако такое представление не является точным отражением объекта как такового, в результате чего возникает *недопонимание*. Неспособность имаго адекватно представлять самость и объект обу-

славливает недоверие Лакана к имаго. С такой точки зрения воображаемое представляет собой мир иллюзий.

У Юнга мы видим совершенно иной подход к психическим образам. Он полагает, что имаго принадлежит синтетическая функция, аналогичная силе воображения Канта (*Einbildungskraft*). В *Критике чистого разума* Кант революционизировал современную философию, показав, что чистый разум может познать объект *исключительно через конечные пределы, установленные силой воображения*. Юнг распространил критику Канта на психологию, позиционировав воображение как предпосылку, необходимую для психического знания. Ментальный опыт полностью зависит от конечности человеческого воображения. Юнг определяет имаго как источник нашего *ощущения* реальности, а не как копию или представление некоторой более примитивной реальности (т. е. реального). «Психика ежедневно создает реальность. Фантазия – это единственное выражение, которым я могу обозначить такую деятельность... Это, несомненно, творческая деятельность» (Юнг, 1921/1971). Внутренний и внешний миры сходятся в психических образах, предоставляя человеку живую связь с обоими мирами. Область психических имаго называется в психологии Юнга *имагинальным*, тогда как Лакан называет эту область *воображаемым*. *Их существенное различие состоит в том, что имагинальное формируется продуктивной и репродуктивной силой воображения (*imagining*), тогда как воображаемое формиру-*

ется репродуктивным представлением (*imaging*) (Кюглер, 1997).

Пятая глава, «Фонетическое воображение», базируется на ранних исследованиях Юнга, Фрейда, Лакана и Тасс-Тинеманна; в ней показано, что бессознательные фантазии и мифические образы существуют в языке, объединенные в кластеры погруженные в группы (*clusters*) фонетически близких слов. Работая с мифическим образом Диониса, мы рассматриваем относящиеся к нему греческие определения и замечаем, что они все соединены в похожие фонетические паттерны (*patterns*). Для того, чтобы установить, в какой степени эти определения распространены за пределами греческого языка, рассматриваются другие индоевропейские языки. Сравнительный анализ латыни, немецкого и французского языков показывает, что аналогичные смысловые объединения, имеющие фонетическое сходство, появляются и в этих языках, причем часто они связаны с определенными этимологическими фонемами.

В заключительной главе все перечисленные темы рассматриваются в их переплетении: динамическое взаимодействие между словом, образом и аналогом, рассматривается также парадоксальная природа обретения языка. Процесс обретения языка отделяет ребенка от *объектного* мира, позволяя младенцу создавать систему фонетических образцов, способных служить заменой реальным объектам. Язык позволяет говорящему воспроизводить переживание объекта (на-

пример, «мать») в отсутствии этого объекта. Возможность такого феномена обусловлена парадоксальным статусом слова: представление об объекте реализуется во время его отсутствия. В последней главе этот парадоксальный феномен рассматривается в связи с формированием симптома, динамикой переноса, терапевтической интерпретацией и алхимическим процессом.

По прошествии двадцати лет темы, затронутые в данной работе, не утратили своей актуальности. Они по-прежнему оживляют клинические и академические дискуссии, все глубже вовлекая нас в тайны взаимоотношений между субъективностью, языком, образом и бессознательными измерениями человеческой психики.

*Поль Кюглер, 10 июня 2002,
Ист Орора, штат Нью Йорк.*

Глава I

Архетипический подход к языку

В данной книге рассматривается роль, которую язык играет в психологической жизни. Говорение подобно дыханию. Мы осуществляем его каждодневно, и наша речь составляет существенную часть нашей жизни. И, тем не менее, большую часть времени мы не осознаем процесс разговора и то значение, которое имеет для нас речь. Маленький ребенок начинает говорить, воображать и эмоционально реагировать в первые два года своей жизни. Обычно это происходит совершенно естественно, без каких-либо специфических усилий. В этот период младенец вступает в обширную психологическую область, в которой слова, аффекты и психические образы переплетаются и формируют его личностную сущность. При разговоре мы обычно не осознаем роль, принадлежащую языку как в выстраивании нашего послания, так и в формировании нашей личности. Наивно предполагается, что язык прозрачен для мира, однако если какое-то слово затрагивает существующий комплекс, то констеллируется сильный аффект, активизируются образы, хранящиеся в памяти, и отыгрываются старые модели поведения. Сновидения, симптомы и комплексы вплетены в едва различимую языковую ткань, воздействующую на нас, но мы редко осознаем это измерение нашей психики. В терапевтическом

анализе лечение комплексов пациента осуществляется посредством *лечения разговором*. Однако не только пациенты не осознают ту роль, которую играет язык в их личности, но и сам терапевт порой не имеет представления о тех тонких влияниях, которые его слова оказывают на пациента.

Появление разделенного субъекта: Эго/Самость

Немногие события играют в психологической жизни ребенка такую же важную роль, как овладение им языком. В возрасте от шести до девятнадцати месяцев младенец приобретает способность психического представления и умение выделять и узнавать свой собственный образ как отличный от других. Например, младенец, который ранее никак не реагировал, видя себя в зеркале, внезапно начинает улыбаться своему зеркальному отражению. Это событие, совершенно нормальное в жизни младенца, свидетельствует о появлении способности узнавать свое отображение.[1] Процесс разглядывания и *узнавания своего образа как отличающегося от других* дифференцирует психический образ ребенка и его физическое тело. До наступления зеркальной стадии у ребенка отсутствует способность отличать субъект от объекта, репрезентативное от биологического. Желание и его объект неразличимы. Например, если ребенок ощущает голод, то это не голод ребенка, ибо младенец не может восприни-

мать «себя» отдельно от своего желания. Однако с наступлением зеркальной стадии единство переживаний расщепляется, и ребенок приобретает способность *отличать психический образ от биологического переживания*. Дифференциация биологического младенца и психического образа, с которым младенец себя идентифицирует, является всего лишь преддверием значительно более глубокой дифференциации психики, которая наступит в процессе обретения языка. В дальнейшем процесс обретения языка заменяет пластический образ тела лингвистическим образом, местоимением первого лица. [2] Визуальный образ заменяется акустическим, например, на английском языке словом «I» («Я»). С обретением языка наступает онтологический разрыв между словом и телом, между описанием и событием. В течение зеркальной стадии становится возможным появление человеческого субъекта, когда неврологическое развитие позволит младенцу отличать объекты, а человеческий субъект реализуется, когда ребенок приобретает способность к репрезентации.

Появление способности отождествляться с саморепрезентацией является действием, на котором основывается вся субъективность; в этот момент рождается человеческая рефлексия. Открытие младенцем *своего образа* и идентификация с ним разделяет личность на бессознательное и сознательное, на репрезентативное эго и эмпирическую самость. Конституирование психического чувства *непохоже-*

сми (otherness) следует из осознания того, что отрефлексированное представление действительно «принадлежит» тому же самому ребенку, рассматривающему и переживающему этот образ как другой (*other*). Октавио Пас следующим образом описывает переживание субъектом своей непохожести. «Непохожесть», прежде всего, представляет собой симультанное восприятие нашего различия, при том, что мы остаемся тем, кем являемся, не удаляясь от места своего пребывания, тогда как наша истинная сущность находится в другом месте» (Пас, 1975, стр. 245) [3].

При *рассматривании младенцем своего собственного образа как отличного от других* одновременно (симультанно) реализуется субъективность младенца, осуществляющего это действие. Восприятие рефлексии себя (*selfreflection*) является визуальным переживанием психического образа и «реального», разделенным только временем, необходимым для возврата отраженного света к глазу ребенка. В акте отражения смешиваются в единое событие оба гетерогенных объекта: образ и реальный субъект, «Я» и другой, вымышленное и биографическое. Это бесконечно быстрое колебание между образом и *реальным* приводит к появлению разделенного субъекта, состоящего из репрезентативного эго и экзистенциальной самости в атмосфере присущей данному субъекту рефлексии. Чрезвычайная экономичность такого простого события, как ребенок, рассматривающий свое отражение в другом, сигнализирует о рождении субъективности и по-

явлении разделенного субъекта: эго/самость. [4] Драматическая роль, исполняемая ребенком на зеркальной стадии, заключается в непрерывном продуцировании собственной самости. *Это рефлексия, которая создает самость само-рефлексии, творя ее через драму непрерывно повторяющегося обозрения последней.*

Зеркальная стадия представляет собой базовую метафору как для рефлектирующего сознания, так и для демонстрации взаимозависимости образа и реальности как таковой. Не может существовать отражение без реального ребенка, и не может существовать сознание реального ребенка без его имаго. Реальное и имагинальное взаимно сопределены (coterminus): каждое включает в себя другое (coimplicates). Осознание того, что человеческая субъективность строится с помощью рефлексивного выстраивания репрезентаций, позволяет, в свою очередь осознать то, что мы постоянно находимся в пространстве языка, создавая метафоры своей личности, а также собственного понимания себя. *Человек как субъект есть нечто, сконструированное с помощью метафор во всех измерениях нашей психики; он не входит в мир без сложного лингвистического сопровождения.* Без способности самости представлять себя либо в виде образа, либо слова, – что позволяет взглянуть на себя со стороны, – невозможно было бы выстроить личность, обладающую способностью представления и восприятия своего отражения. [5]

Фонетический образ: Представление образа в его отсутствии

Обретение младенцем речи влечет за собой ряд важных последствий. Во-первых, приобретая способность называть и переживать, *ребенок приобретает способность создавать символы посредством замены пережитого опыта неким текстом*. В процессе символического представления ребенок обретает способность осознавать событие, дистанцируясь от его непосредственного переживания. Это становится возможным благодаря парадоксальному статусу слова, дающему возможность *представить событие в его отсутствии*. Язык позволяет нам вызывать воспоминание о каком-либо объекте или событии в его отсутствии.

Этот процесс создает область представительства, которая служит связующим звеном между представлением и переживанием. Эта текстуальная область связывает не только объективный мир, но и переживание самости путем языкового представления личности через местоимение первого лица единственного числа («Я»). Без такой способности самопредставления и самоосознания человек не мог бы узнавать имаго своего эго в переживаемом сновидении или символизировать его в изложении сновидения. Способность эго видеть «себя», свой образ на расстоянии является результатом первичного отчуждения, происходящего на зеркальной ста-

дии.

Такое первичное отчуждение между биологическим младенцем и его образом ведет ко второму следствию обретения языка: к появлению внутреннего сознания своей Непохожести. Благодаря способности представлять себя в виде отдельного существа, личность разделяется на переживающую самость и на текстуальную самость. Текстуальная самость является побочным продуктом способности символического изложения. На пути ассимиляции самого языка и развития способности ассимилировать через язык говорящий все в большей степени идентифицирует себя с текстуальной самостью, с местоимением первого лица «Я», которое является всего лишь образом, вспомогательным средством в области языка для более значимой переживающей самости, исключаемой из области репрезентации. [6]

Такое исключение переживающей самости из области репрезентации приводит к третьему следствию обретения языка – к появлению переживаний бессознательного порядка. В то время, как посредничество необходимо для сознания и самоосознания, ценой, которую необходимо заплатить за текстуальное посредничество, является создание определенного непреодолимого расстояния между текстом и изначально пережитым опытом. *Область непреднамеренного опыта является областью бессознательного.*

Важность вступления младенца в коллективно зафиксированную лингвистическую матрицу заключается в том, что

он получает доступ в систему символического представительства, организованную еще до появления любого индивидуального эго. По мере того, как ребенок знакомится с коллективно разработанными значениями в лингвистической матрице, он становится значимой единицей в психологической матрице общественных отношений. Через процесс развития способности к репрезентации, сначала на уровне психических образов, затем на уровне самого языка, самость в известном смысле отделяется от себя и в процессе отделения приобретает способность к отражению себя. Появляется субъект, разделенный на репрезентативное эго и на переживаемую самость, и младенец приобретает способность *говорить с миром через систему коллективно созданных символов*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.